

— Я хочу надеяться, что наша пригодность для участия в управлении страной будет оцениваться на основе нашей программы и наших практических действий, а не по программе и действиям других партий. Советская система стала приближаться к тому, за что мы уже давно выступаем и что проводим на практике, и это не может нам повредить. Однако ИКП — не орудие СССР и не танцует под дудочку КПСС, и мы не хотим, чтобы нас таким образом воспринимали.

Владимир Кусин

ИНАКОМЫСЛИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

I. НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Прошло три года пребывания Горбачева на посту генерального секретаря ЦК КПСС, и уже очевидно, что реакция руководства стран Восточной Европы на его реформистское кредо весьма различна. А что происходит среди инакомыслящих в Восточной Европе? Изменили ли „перестройка” и „гласность” судьбы и деятельность протестующих, не согласных с властями и противостоящих им?

Инакомыслие в наступлении. Инакомыслие в Восточной Европе в 70-х-начале 80-х годов было преимущественно оборонительным: в Восточной Германии это были протесты против милитаризации жизни; в Польше — против роста цен и репрессий по отношению к рабочим; в Чехословакии — против преследований реформистов прошлых лет и нарушения прав человека вообще; в Венгрии — против свертывания реформ; в Румынии, среди шахтеров — против отмены социального обеспечения; а кроме того, в ГДР и Чехословакии — против размещения ядерных ракет. Режимы, напротив, наступали и яростно отстаивали закрепленные позиции.

Возникновение „Солидарности” в конце 70-х годов было первым принципиально новым явлением наступательного инакомыслия. С той поры, а особенно в связи с горбачевской критикой застоя, картина стала меняться. Похоже, начался период перехода инакомыслия в атаку: диссиденты в Восточной Германии призывают к „гласности”; в Чехословакии — к смене руководства и заслуживающим доверия реформам; в Польше — к

честному диалогу властей с оппозицией и вообще с народом; в Венгрии — к реформам, выходящим за пределы ограничений существующей системы; а в Румынии — к смене режима Чаушеску.

Продолжая защищаться, например, от религиозных гонений в Чехословакии, от тяжести экономических преобразований в Польше и всеобщих экологических бед, восточноевропейские инакомыслящие быстро обучаются конструктивизму и требовательности. Это вынудило коммунистические режимы перейти к обороне и случилось к тому же в то время, когда они должны менять свои программы, что создает особенно напряженное положение. Каковы бы ни были изменения, на которые решатся коммунистические режимы восточноевропейских государств, им приходится одновременно защищать свои догмы, оправдывать свое прошлое и свое нежелание решительных перемен. Требовательные инакомыслящие и защищающиеся правительства — вот особенность обстановки второй половины 80-х годов.

СССР догоняет, наверстывая упущенное. Инакомыслие в Восточной Европе всегда было впереди по сравнению с СССР, где в послевоенное время оно, как правило, отставало. (Это не умаляет мужества советских инакомыслящих и жертв, ими перенесенных, и это не всегда верно в особых случаях.) Если понимать политическое инакомыслие как демократический радикальный реформизм и национальное сознание, а также организованную деятельность в поддержку таких направлений в рамках и за рамками официальных кругов, то пестрое по составу движение инакомыслящих в СССР сделало за три последних года существенный шаг вперед. В частности, в СССР возникла масса диссидентских или „независимых” (неформальных) групп, имеющих свои собственные цели и стремящихся сделать нечто, к чему власти не готовы, чего они не хотят или что они просто игнорируют. Появились группы с самыми разными целями. В восточноевропейских странах нигде, за исключением Польши, нет такого множества групп. Фрагментация инакомыслия в СССР, возможно, сделает эти группы не столь долговечными, как „Солидарность”, „Свобода и мир” (ПНР), „Хартия 77” (ЧССР), евангелические группы в ГДР или более аморфная венгерская демократическая оппозиция. Тем не менее, решающий шаг в

сторону определенности целей и организованности, отличающий инакомыслие от бунта, уже сделан. Ситуация в восточноевропейском блоке более не является столь „перекошенной”, как год или два назад, что открывает дорогу к сотрудничеству инакомыслящих разных стран.

Балтийский фактор.* При Горбачеве инакомыслие резко активизировалось в Латвии, Литве и Эстонии, и выяснилось, как много досоветских национальных черт сохранили балтийские народы. Цели балтийского инакомыслия тесно переплетаются с надеждами диссидентов всех стран Восточной Европы, особенно в отношении переоценки истории, в подходе к национальному наследию, языку и культуре, к роли религии и к экологическим проблемам. Многие в восточноевропейских странах давно считали прибалтийские государства полностью советизированными. Рост инакомыслия в Прибалтике и международное признание, им полученное, изменили этот взгляд. Более близкое знакомство с инакомыслием в Восточной Европе за пределами СССР может быть весьма полезным для эстонцев, латышей и литовцев при решении их проблем.

Смещение акцентов. Невозможно четко очертить стремления, общие для всех диссидентов в Восточной Европе, кроме стремления к демократизации и избавлению от советской зависимости, но можно уловить определенные общие сдвиги.

В настроениях инакомыслящих в конце 70-х годов доминировала защита прав человека. Сейчас упор делается на политические реформы и либерализацию. В Польше оппозиция утверждает, что реформы заводят в тупик отсутствие у правительства политической воли для поисков путей действительного примирения с обществом. Независимые группы в Венгрии добиваются политических изменений, идущих дальше преобразований, которые теперешние руководители хотели бы предпринять для экономических реформ. Чехословацкие диссиденты вновь повторяют, что только после смены противящегося реформам дис-

* США не признают насильственного включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР и рассматривают их как страны Восточной Европы. — Ред.

кредитированного руководства страны можно надеяться на успех горбачевских мероприятий. Восточногерманские инакомыслящие настаивают на „гласности” и демократических составляющих реформ Горбачева, хотя считают, что в ГДР экономическая „перестройка” не стоит на повестке дня. Говорят, что румынские диссиденты шлют в советское посольство письма с призывами к реформам горбачевского стиля в их стране, и что усиливается „инакомыслие в истаблшменте” среди тех, кто все более убеждается, что только конец правления Чаушеску позволит Румынии выйти из кризиса.

Национальный и культурный диссидент, всегда очень сильный в большинстве стран Восточной Европы, расширился и усилил свое влияние с протестами против русификации и советизации в прибалтийских республиках. Усилилось давление по заполнению „белых пятен” в истории польско-советских отношений, таких, как Катынская бойня — массовое убийство польских офицеров. Чешские инакомыслящие настаивают на восстановлении связей с докоммунистическим и некоммунистическим культурным наследием страны, обращаясь, например, к идеям первого президента страны Т. Г. Масарика. Не всегда скрытой бывает критика политики Чаушеску в области культуры, исходящая от румынских писателей, которые сопротивляются поползновениям режима управлять их творческим союзом. Союз писателей Венгрии избрал неконформистское правление и не реагировал на давление со стороны партии; и уж, конечно, в тридцатую годовщину революции 1956 г. венгерские диссиденты не устали повторять, что они думают об этой революции. И венгры и румыны борются против преследований венгерского национального меньшинства в Румынии.

Увеличивается внимание диссидентов к вопросам, связанным с окружающей средой, поскольку эти проблемы становятся все острее. К тому же реформистская политика придает более законный статус требованиям охраны окружающей среды. В области экологии появилась некая общая основа у представителей официальных кругов, сознающих важность реформ, и независимых групп по охране окружающей среды. Однако диссиденты рассматривают нарушение среды обитания как политическую проблему или, по меньшей мере, как проблему, имеющую

отношение к политике. Латыши добились успеха — остановили строительство гидроэлектростанции по вызывавшему сомнение проекту. В Эстонии были выступления против расширения шахтной добычи фосфоритов. Независимые польские публикации выявили опасность для окружающей среды государственного плана строительства ядерного центра в Меджижече. Очень деятелен польский экологический клуб, связанный с „Солидарностью”. „Хартия 77” постоянно делает аналитические обзоры угрожающей экологической ситуации, например, в Северной Богемии и в Праге. Болгары протестовали по поводу ядовитых дымов румынского химического завода, которые угрожают болгарской области Витоши. Активисты, работающие под защитой евангелической церкви в ГДР, создали в Восточном Берлине „экологическую библиотеку”, на которую полиция время от времени совершает налеты. Они опубликовали по меньшей мере две самиздатские работы, почти полностью посвященные проблемам окружающей среды. Венгерские экологи („Дунайский круг”) выразили опасения по поводу совместного венгерско-чехословацкого проекта Габчикова-Надьмарош и организовали кампанию протеста против этого строительства и у себя и в соседней Австрии.

Организованность и структуризация. В наиболее общей и наименее организованной форме независимая от политических режимов деятельность начинается обычно со стихийного отказа граждан реагировать на „мобилизационные усилия” партии. Такого рода сопротивление сейчас характерно для всех стран Восточной Европы. Никакие призывы, никакие „моральные” стимулы и социалистическое соревнование больше не действуют.

Следующий по уровню организованности протест имеет форму забастовок, демонстраций, петиций, уклонения от требуемой режимом деятельности и т. д. Эти формы активности тоже усилились. Демонстрации в Прибалтике по поводу годовщины пакта Молотова-Риббентропа (1939 г.), рабочие волнения в Брашове; неучастие населения в референдуме, проведенном польским правительством; обращение шести болгар к венской конференции по проверке выполнения Хельсинкских соглашений с предложением создать комиссию по расследованию нару-

шений прав человека — все это примеры независимых акций на этом уровне.

Повсюду в Восточной Европе для диссента характерна деятельность по размножению независимой („самиздатской“) литературы, хотя численность публикаций и их содержание различаются по странам, как и политические и религиозные взгляды. Независимые группы распространяют заявления на различные темы, трактаты о государстве и обществе, призывы к коллективным действиям и политические программы. Похоже, что реформистская кампания в СССР не утихомирила шторм инакомыслия. Изменения, которые восточноевропейские режимы готовы предложить, по всей видимости, не удовлетворяют диссидентов, инакомыслие которых состоит именно в стремлении к более решительным и далеко идущим реформам.

II. ДИССЕНТ НА УЛИЦАХ

События, долгое время характерные лишь для Польши, теперь грозят захлестнуть весь восточноевропейский блок. Диссент вышел на улицу от Кавказа до Праги, от Таллина до Русе. По сравнению с ранними этапами реформ в СССР и восточноевропейских странах, сейчас больше людей готовы защищать свои права, и с ними приходится считаться, когда они выдвигают свои требования или настаивают на более широких изменениях. Демонстрации быстро стали частью процесса реформ.

Демонстранты часто привлекают внимание к проблемам, не входящим в официальные программы реформ или лишь намеченным там. Рабочим и управляющим еще приходится выходить на улицы с требованиями ускорения изменений в экономической системе; бюрократы еще оттягивают реорганизацию правительственных учреждений; партийные работники все еще должны обращаться наверх с требованием смещения местных руководителей, не желающих усваивать реформистское мышление.

Причинами волнений и беспорядков являются: историческая и национальная несправедливость; политические и идеологические ограничения; нищенский уровень жизни; плохое хозяйст-

вование во многих областях, например, в области защиты окружающей среды. Демонстрации являются реакцией на неумелое управление и своего рода результатом политики реформ и гласности в том смысле, что они стали возможными в этих условиях, и потому они не направлены против горбачевских реформ.

Историческая и национальная несправедливость. Демонстрации, вызванные исторической и национальной несправедливостью, наиболее характерны для СССР. Можно выделить пять порождающих их причин: недовольство советским правлением и, в частности, русификацией — в Латвии, Литве и Эстонии; несправедливость, совершенная при Сталине, — в случае крымских татар; это же послужило причиной недавней демонстрации в Москве в память жертв сталинизма с требованием воздвигнуть им памятник; сопротивление местных властей вмешательству Москвы — в Алме-Ате; конфликты между нациями, например, конфликт между армянами и азербайджанцами; проявление идеологии русского национализма — демонстрации группы „Память“ в 1987 г. Призывы к властям с требованием расширить еврейскую эмиграцию тоже относятся к категории волнений, вызванных исторической и национальной несправедливостью.

Прежде в Восточной Европе не было демонстраций по этим поводам. Однако напряжение в связи с положением венгерского меньшинства в Румынии может легко стать основанием для таких демонстраций — в Будапеште на собрании в театре 6 марта 1988 г. 700 человек выразили недовольство отношением режима Чаушеску к венгерскому меньшинству. Тем не менее, в связи с национальными претензиями народов Восточной Европы, а именно по поводу вовлечения их стран в советскую орбиту, никаких сдвигов к лучшему при Горбачеве покамест не произошло.

Политические и идеологические ограничения. По демонстрациям такого рода лидируют Польша, ГДР и Чехословакия. Дух независимости, порожденный профсоюзом „Солидарность“, ощущается почти на каждом неофициальном собрании в Польше. Церковные организации часто выступают с откровенной демонстрацией неприязни к режиму и системе. 8 марта 1988 г. состоялась студенческая демонстрация в память о репрессиях 1968 г. и с требованием восстановления независимого союза студентов.

Во время этой демонстрации произошла стычка с полицией. Артисты организовали сатирические представления на улицах Вроцлава и в других городах. Всегда были многолюдные религиозные паломничества в Польше. Теперь такие паломничества стали столь же характерными для Словакии, что причиняет чехословацким властям серьезные заботы, тем более что более 300 тыс. человек подписали петицию с требованием религиозных свобод, а в марте произошла религиозная демонстрация (хотя и небольшая) перед архиепископским дворцом в Праге. Каждый год 8 февраля молодежь Праги проводит ночные гуляния в память Джона Леннона; 10 декабря 1987 г. на Старогородской площади в Праге была проведена не разрешенная властями правозащитная демонстрация, в которой приняло участие несколько тысяч человек. Полиция неоднократно прерывала запрещенные концерты поп-музыки, собрания, проводимые „Хартией 77” и неофициальными молодежными группами. Произошло несколько демонстраций в ГДР (с января по март 1988 г.), начиная с попытки группы диссидентов присоединиться к официальному шествию под собственными лозунгами. Демонстрации в ГДР проходят, главным образом, под лозунгами соблюдения прав человека и защиты окружающей среды (эти требования поддерживает евангелическая церковь), а также с требованиями разрешения на эмиграцию в ФРГ.

Экономические нужды и экологические проблемы. Демонстрации протеста против повышения цен начались в Польше в 70-е годы; эра „Солидарности” и сегодня вдохновляет рабочий класс. В феврале 1988 г. угроза забастовки или демонстрации вынудила к уступкам руководителей предприятий, согласившихся обеспечить более высокую заработную плату, чем обещало правительство, для компенсации повышения цен. В Польше имели место и небольшие демонстрации против строительства атомных электростанций. В Югославии уже долгое время ежегодно происходят тысячи забастовок по поводу заработной платы. Беспорядки в Брашове осенью 1987 г. присоединили Румынию к странам, где демонстрации — одна из форм протеста. В последнее время население Русе в Болгарии трижды выходило на улицы, протестуя против утечки ядовитых газов с румынского химического завода в Джурджу, вблизи от границы. Озабочен-

ность экологическими проблемами вызвала петиции и демонстрации в СССР.

Проблемы режимов, порожаемые демонстрациями. Демократические правительства для прекращения уличных демонстраций обычно ищут средний путь между их откровенным подавлением и опасной вседозволенностью. Коммунистические режимы до сих пор действовали, исходя из того, что независимые демонстрации плохи по определению — они должны либо контролироваться и направляться правительством, либо быть им подавленными. Если, как говорит Горбачев, коммунистические правительства теперь преследуют не только экономические цели, но и намерены осуществить демократизацию, они должны научиться мириться с уличными демонстрациями. Это вынуждает разработать правила игры. На Западе эти правила основываются на том, что полиция не должна мешать мирным, не противозаконным демонстрациям, и почти нет исключений из этого правила, разве только если демонстранты нарушают уличное движение или ведут себя непристойно.

Коммунистическим режимам нелегко найти баланс между чрезмерной мягкостью и откровенной жестокостью. Очевидно, что в массах уже накопилось недовольство на основании многих недостатков прошлого. К тому же властям присуще чувство, что демонстрировать против коммунистического правительства — безумство. Как представить уличные демонстрации безобидным времяпрепровождением, не опасным для режима, и показать его „демократичность”, когда под ним — горы прошлых и нынешних несправедливостей?

Возможно, полицейские разгоны демонстраций в последнее время в разных странах (студенческая демонстрация в Польше, демонстрация правозащитников и религиозных активистов в Чехословакии, собрание правозащитников перед демонстрацией 15 марта в годовщину революции в Венгрии, демонстрации в ГДР граждан, добывающихся разрешения на эмиграцию) имеют общую причину: страх, что уступка демонстрантам может привести к событиям, подобным тем, что произошли в Армении. К тому же в руководстве возможны разногласия по поводу верной меры терпимости и нетерпимости, и поэтому отношение к демонстрантам может меняться время от времени в зависимости от того, кто в данный момент держит бразды правления. Режимы

всех восточноевропейских стран годами создавали мощные и многочисленные полицейские силы, которые не распущены и в период перестройки. Части этого аппарата сыска, устрашения и подавления могут какое-то время бездействовать; но их влияние за кулисами принятия политических решений вряд ли прекратилось. Кроме того, секретная полиция стран восточноевропейского блока действует совместно, и КГБ, несомненно, держит в руках многие нити. Вполне возможно, что подход правительств этих стран к уличным демонстрациям был сформулирован центром. Наконец, многие упрямые восточноевропейские лидеры еще не уверены, приживется ли горбачевская политика в СССР; если в будущем понадобится закручивать гайки, то не лучше ли не ослаблять их слишком сейчас.

Итак, даже если коммунистические правительства некоторых стран хотели бы определить свою политику относительно уличных демонстраций в соответствии с политикой демократизации, это до определенного времени будет наталкиваться на множество серьезных препятствий. Однако демонстрации заразительны, что видно на опыте Запада. Их труднее удерживать в рамках сотрудничества с участниками демонстраций, чем другие формы проявления инакомыслия. Поэтому нынешнее состязание воли правителей и управляемых, вероятно, будет идти с переменным успехом.

Юрий Орлов

СМЫСЛ РЕФОРМ ГОРБАЧЕВА

Введение. Советский режим улучшился. Улучшение состоит в том, что появились (хотя и маленькие) обратные связи, позволяющие людям хотя небыстро и немного, но улучшать режим в дальнейшем. Это, конечно, еще не демократия. Демократия — это общество, обладающее постоянной способностью к быстрому самоулучшению (путем взаимных компромиссов) под влиянием мирного, но свободного противоборства всех заинтересованных общественных сил. До такой демократии в СССР еще страшно далеко; но нельзя отрицать, что возможности для появления и развития общественных сил несколько возросли.

И советское общество и Запад кровно заинтересованы в дальнейших улучшениях в СССР. Однако без давления процесс улучшений может не только затормозиться, но пойти вспять. Чтобы оказывать влияние в нужном направлении, нужно понять, что происходит в этой стране. Ниже я даю свою интерпретацию происходящего. Но я высказывал эти же самые соображения и в то время, когда многие были уверены, например, что Горбачев является случайной флуктуацией, высчитывали, сколько времени еще он продержится, и предлагали даже не критиковать его, чтобы не ослабить его и без того, якобы, слабых позиций.

Другие расчитывали (исходя, скорее, из своих желаний), что Горбачев пойдет очень далеко в своих реформах, надо только подождать и, опять же, не мешать ему. Мало кто понимал,